

УДК 821.161.1 : 159.95 + 82–3 “1920–1939”

**СОЦИАЛЬНАЯ МАСКА КРЕСТЬЯНИНА
В ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРОЗЕ 1920-1930-Х ГОДОВ**

Машкова Е. Е.

Крымский инженерно-педагогический университет, г. Симферополь, Россия
lebed_ekaterina@bk.ru

В предлагаемой статье на материале репрезентативной для социалистического реализма 1920–1930-х годов производственной прозы (Ф. Гладкова, Г. Дальнего, А. Зорича, В. Ильенкова, В. Катаева, Л. Леонова, А. Малышкина, Н. Никитина, М. Шагинян, Я. Шведова, И. Эренбурга, Б. Ясенского) анализируется собирательный образ крестьянства на стройках пятилеток. Доказывается, что в литературе о социалистическом строительстве образ вчерашнего мужика упрощается до социальной маски (лапти, зипун, борода), символизирующей всякую некачественную работу. Вскрывается проявляющаяся в советской литературе оппозиционность сознательного и лапотного пролетариев, что расценивается как одно из проявлений конфликта партийности и народности. Литературные интерпретации образа народа рассматриваются в диахронии (1920-е и 1930-е годы) в контексте партийных директив и литературной критики первых послереволюционных десятилетий.

Ключевые слова: крестьянство, образ мужика, социалистический реализм, советская литература, народность, производственная проза.

ВВЕДЕНИЕ

В 1920-е партийные и литературные вожди возложили на писателя недвусмысленную задачу – очистить литературу от «той жалостной, красивенькой и лживой “выдумки”, с которой у нас издавна принято писать о деревне, о мужиках» [13, с. 441–442]. В резолюции 1925 года «О политике партии в области художественной литературы» прямо говорилось: писатель должен помочь партии «ужиться с крестьянством и медленно *переработать* его» (Здесь и далее курсив наш. – Е. М.) [39, с. 82].

Призыв к «переработке» крестьянина не был метафорой. «...Русский мужик был наречен <...> революцией *пролетарием*...» – писал в конце 1920-х годов Ф. А. Степун [42, с. 9]. Крестьян массово «перековывали» в рабочих: трудовыми резервами деревни повсеместно восполнялась нехватка рабочей силы, остро ощутившаяся в эпоху индустриализации. В первую пятилетку, по данным зарубежных историков, пятьдесят три процента всех работающих на «соцобъектах»

составляли крестьяне [20, с. 31]. Существует мнение, что на самом деле этот процент был значительно выше: кадровый пролетариат буквально «растворился в потоке крестьян, пришедших в город» [там же, с. 145]. «На фабрики, на заводы, в рудники и шахты влезает деревенский человек – человек, разум которого еще не работал, не привык работать и который оброс толстой корой древнейших церковных суеверий, предрассудков, предубеждений», – писал М. Горький [12, с. 4]. Рабочие из крестьян и именовались особым образом – их называли «лапотными пролетариями».

Литература социалистического реализма, и в частности, ее квинтэссенция – повествующая об успехах промышленного строительства производственная проза не обошли своим вниманием мужика. Крестьянин стал массовым персонажем многочисленных «индустриальных» романов, повестей, рассказов и очерков – знаковым для понимания системы первообразов соцреализма. Очерчивая круг предписываемых методом нормативных характеров (молодой человек с классовым чутьем пролетария, колеблющийся интеллигент, классовый враг, женщина, обретающая человеческое достоинство, крестьянин-середняк, кулак), исследователи лишь вскользь упоминают о существовавших классовых противоречиях между городом и деревней [11, с. 119, 116, 117]. Коммунистические модификации мифа о «загадочной русской душе» в современном гуманитарном знании по-прежнему остаются *tabula rasa*. В свете неослабевающего интереса исследователей к советскому периоду истории русской литературы актуальность этой проблемы не вызывает сомнений. Предлагаемый анализ соцреалистических трактовок образа крестьянства представляет собой один из возможных подходов к теме.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Пореволюционному искусству была свойственна определенная экспрессивность. В статье «Новая русская проза» (1923) Е. Замятин писал об авторах, изображающих революционный быт: «Видят только тело – и даже не тело, а шапки, френчи, рукавицы, сапоги (...)» [цит. по: 3, с. 35]. В пролетарской литературе, однако, подобный экспрессионизм имел и вполне реальные корни. Судить о человеке,

выносить ему приговор «свой – чужой» по первому взгляду на очки, одежду, прическу было обычным делом людей из ОГПУ и всех «неравнодушных» и бдительных. В истории строительства Беломорско-Балтийского канала об умении «опытного советского человека» по внешности заключать «наш человек» или «не наш» говорится уважительно и с одобрением: дубленый полушубок и косоворотка – явно профессор философии или большой администратор; шляпа и пенсне – чаще всего артист или счетовод [5, с. 47]. При подобных обстоятельствах нельзя не расслышать в реплике одного из героев леоновской «Соти»: «Пенсне – надо смелость – за пенсне могут расстрелять...» – отнюдь не шуточное предупреждение [26, с. 69].

Вещные, портретные детали: лапти, зипун, борода – стали неотъемлемой частью социальной маски, закрепившейся за крестьянством в литературе 1920-х – начала 1930-х годов. В очерке «Как я была инструктором ткацкого дела» (1922) М. Шагинян так описывает краснодарских прядильщиков: «...расейские, в лаптях» [46, с. 600]. В романе Н. Никитина «Поговорим о звездах», когда на стройке не хватало рабочих, комсомольцы ездили в степь вербовать «баб, ребят, бородачей» [33, с. 33]. Вчерашние крестьяне появляются на заводе и в повести Я. Шведова «Поиски Отечества»: «Опустив низко головы, проходили *русобородые*, в коротких пиджаках, мужики; в их осторожной походке, хотя и смутно, угадывался крестьянин, еще вчера ходивший за плугом по чернозему или истощенному суглинку пашни» [48, с. 26]. На строительство общепролетарского дома присылают крестьян и у чуждого соцреализма А. Платонова; Чиклин сразу узнал в них «людей, привыкших идти тихим шагом позади трудящейся лошади» [36, с. 123]. «Лапотники», «все расейские Федосеи да Иваны, такая же потомственная лаптеносная голь» стекались на строительство комбината у реки Соть в одноименном романе Л. Леонова [26, с. 45, 115]. На вокзальной площади захолустного города у А. Малышкина «топал совсем мшанский народ – в лаптях, в оранжевых нагольных полушубках»; за своим билетом на стройку будущего «стояло несколько опоздавших *зипунов* с котомками»; в вагоне тощенький паренек «спал сидя, широко раскидав ноги в лаптях» [30, с. 222, 229, 19]. Безымянные строители Кузнецка: «бородатые крестьяне», «бородатые землекопы», приехавшие из глубинки «бородатые люди в меховых шапках» – с

калейдоскопичной быстротой сменяют друг друга в романе И. Эренбурга «День второй» [50, с. 252, 276, 294].

Атавистичные в эпоху Магнитостроя бороды и лапти стали в советской литературе деталью, обличающей в мужике старый мир, темную, противящуюся прогрессу Россию. О содержании романа П. Замойского «Лапти» и повести М. Чистякова «Борода» можно без труда догадаться уже по их названиям. «...Социально значительные процессы выражены в частных, конкретных и индивидуально-ограниченных вещах, – писала о повести М. Чистякова критика. – Борода бедняка <...> не случайность, она – символ, но исключительно реальный по своей природе», – символ доколхозной деревенской жизни [31, с. 211]. В романе Л. Леонова «Скутаревский» есть что-то вроде новеллы о бороде. Банщик Матвей Никеич «был этакая *бородатая амeba*, дикарь». Досуг коротал на сыром банном чердаке, перебирая сокровища – несколько дореволюционных монет с профилями царей: «Оба были с бородами, и это в обидной степени роднило их с Матвеем» [27, с. 29]. Когда же Матвея Никеича выбрали народным депутатом, нечесаная его борода стала являться ему в кошмарах косматым чудовищем, не пускающим банщика в новую советскую жизнь [там же, с. 123]. Когда же герой наконец решил сбрить бороду, оказалось, что это банальнейшее событие ознаменовало в его судьбе революционный водораздел: «...прежнего Матвея уже не было; прежнее <...> прошлое космами валялось тут же, под сапогами» [там же, с. 127].

Борода и лапти обрели знаковое качество задолго до советской эпохи. Брадобритие стало вопросом едва ли не государственной важности еще в петровское время. (Закономерно, что именно к этому периоду относится немалая часть русских пословиц и поговорок о бороде [14].) Позже лапти, зипуны, сермяги были символом русской деревни и у славянофилов, и у западников (вспомним серебряную пепельницу в виде лаптя на столе тургеневского Павла Петровича Кирсанова). В. Г. Белинский восставал против известных представлений о русской специфике: «...будто бы <...> русский дух дает себя чувствовать только там, где есть зипун, лапти, сивуха и кислая капуста» [4, с. 295]. Достоевский иронизировал над

«европейским русским человеком», которому не с руки «пребывать в уездной кутузке вместе с оборванным народом, одетым в национальные лапти», и соединиться «с землею, воняющею зипуном и лаптем» [18, с. 7].

У Л. Н. Толстого в повести «Поликушка» мужиков в «лаптях, всегда огромных, точно <...> лодки», называют не иначе как «лапотниками» [43, с. 343]. М. Шолохов в «Тихом Доне» подмечает давнюю неприязнь казаков к обычным крестьянам. «Лапоть дровяной!», «Мужицкий лапоть», – кричат в станице заезжим деревенским.

Как видим, лапоть – постоянная деталь портрета мужика в XIX веке. Но образ «лапотника» в русской классике многомерен и сложен. Поликушка у Толстого бывал и в хмельном угаре, и не чист на руку, но в то же время это человек совестливый, «добрый и не дурной, только слабый» [43, с. 307]. В тургеневских «Записках охотника» герои из народа чутки к природе (Касьян, Калиныч, бежинские «ребята»), хозяйственны, практичны (Хорь), терпеливы и смиренны (шумихинский Степушка, Лукерья), – и в то же время народ не чужд лукавства, суеверен, бестолково-беспечен (Ермолка). «Русская, правдивая, горячая душа» звенела у Тургенева в народных песнях – и оглушалась в пьяном загуле.

В предисловии к циклу «Праведники» Н. С. Лесков говорит о том, что большое не всегда укладывается в однозначную схему. Один из его праведников – Несмертельный Голован – богоносец, «человек превосходной совести», по апостольскому завету несет людям совершенную любовь («...ломал хлеб от своей краюхи без разбору каждому, кто просил»), в лихую годину мора и язвы выхаживает больных, смиренно терпит клевету обидчиков [28, с. 114, 116]. Другой – «очарованный странник», тоже окрещенный молвой Голованом, – совершил не одно убийство, воровал и пил. Всю свою жизнь страдал от ищущей выхода несмирной, разрушительной силы и при этом сострадал слабым и жалел врагов, он и убил из жалости – и кровью смывал грех на поле брани. В плену, в татарской степи, Иван больше всего тосковал по церковному колокольному звону. В конце концов Голован стал послушником. «Просто добряк, или помешался, или взаправду предсказатель», – говорили о нем, молитвеннике за судьбу русского мира [там же, с. 264–266].

Ф. М. Достоевский в «Братьях Карамазовых» писал об этом типе русского человека, вспоминая «Созерцателя» И. Крамского: «...в лесу, на дороге, в оборванном кафтанишке и лаптишках стоит один-одинешенек, в глубочайшем уединении забредший мужичонко, стоит и как бы задумался, но он не думает, а что-то “созерцает” <...> спросили бы его, о чем он это стоял и думал, то наверно бы ничего не припомнил, но зато наверно бы затаил в себе то впечатление <...> может вдруг, накопив впечатлений за многие годы, бросит все и уйдет в Иерусалим скитаться и спасаться, а, может, и село родное вдруг спалит, а может быть случится и то и другое вместе» [17, с. 116–117].

В 1920-е в производственной прозе от созерцателя в лаптях остался один поджигатель.

Положение крестьян на стройках первой пятилетки было непростым: их в первую очередь винили во всех производственных неудачах [16, с. 104]. Слова «бородач», «лапотный пролетарий» употреблялись исключительно как бранные, а прозвища «лапти», «волосатики-мужики» (очевидно, от названия лаптей из конского волоса – волосянок) явно были не свободны от презрительных оценок [6, с. 22; 134, с. 111]. В советской литературе этого периода крестьяне, «лапотные пролетарии» изображались в духе времени – несознательными, не умеющими, а главное, не желающими сознательно трудиться. На стройках мужики тосковали. О мужицкой тоске – по земле ли, по семье, по родной деревне или по чему-то еще непонятному и незнакомому – в 1920-е годы, как замечал в книге «Искусство видеть мир» А. Воронский, писали все без исключения молодые авторы [7, с. 422]. В романе А. Малышкина «Люди из захолустья» у строителей из деревенских – «крошечные тоскливые глазки»; в крестьянских бараках – «червивая тоска»: «К ночи еще заунывнее, тошнее думалось об оставленных где-то домашних» [30, с. 138, 126, 91]. В романе В. Катаева «Время, вперед!» «серые» новички, не проработавшие на строительстве и месяца, «тосковали по дому, пели по ночам полевые деревенские песни, копили деньги и вещи», собирались вернуться в деревню [24, с. 262].

Именно из-за «лапотных пролетариев» остановился завод в романе В. Ильенкова «Ведущая ось»: они срывали сроки работ, «снова зарывались в хозяйство,

оставленное на всякий случай, обрастали навозом и бородами» [23, с. 3]. «Мужик попер на завод, лаптями разве нафорсуешь, как надо?» – возмущались рабочие [там же, с. 28]. Развенчание вредной и чуждой идеологии «лапотных пролетариев» – лейтмотив рассказа В. Ильенкова «Аноха». Его ценность критика видела в том, что автором «убедительно разоблачен Рябов, идеолог группы “лапотных” пролетариев, имеющих хозяйство в деревне», тяготеющих «к привычным, обыденным формам труда, труда “по старинке”, с желанием урвать побольше и удрать на свой клочок земли...» [38, с. 179].

В годы первой пятилетки лапоть стал символом всякой плохой, некачественной работы. Если в романе В. Катаева «Время, вперед!» отстающие бригады на стенгазетах рисовались едущими в калоше [24, с. 226], то в повести Г. Дальнего «Срок» бригадир предлагает заменить на плакате калошу с отстающей бригадой лаптем: «Думаете, вам тут деревня, лапти развесили, день проработали, а на другой отдыхать. Тут социализма строится, что же вы не знаете? В калош сели, ну не срам, я б вас посадил в лапоть, в лапоть» [15, с. 70]. Самый отпетый бузотер, лодырь и картежник Саенко у В. Катаева демонстративно разгуливает по строительной площадке, «шаркая по жаркой пыли лаптями» [24, с. 7, 8]. «Лодыри, стукачи, лапотники», – клеймит нерадивых строителей бригадир Фокин в «Гидроцентрали» М. Шагинян [46, с. 487]; «рязань... борода» – одергивает рабочих из крестьян, ворующих ложки, ответственная по столовой Глаша в романе Н. Никитина «Поговорим о звездах» [33, с. 7]. В «Энергии» Ф. Гладкова Мирон Ватагин, желая побольнее уязвить недобросовестного прораба, бросает: «А все-таки вы, товарищ Вихляев, еще не расквитались с лаптями...» [10, с. 19].

В таком контексте вовсе не кажется странным абсурдный, на первый взгляд, вопрос старика в платоновском «Котловане»: «На дворе кафельного завода старик доделал свои лапти, но боялся идти по свету в такой обуше <...> – Вы не знаете, товарищи, что, заарестуют меня в лаптях аль не тронут?» – обратился он к подошедшим Прушевскому и Чиклину □36, с. 142□. Этот эпизод – еще одно подтверждение того, что в основе «ощущаемой ныне парадоксальности Платонова» – «драматическая связь с абсурдностью самого времени, с видимой алогичностью

процессов, сопровождающих крушение старой и рождение новой России» [8, с. 5]; что «...один из самых фантастических художников XX века во всех деталях и подробностях оставался верен реальности» [29, с. 169]. В случае с лаптями проявляется и не раз отмечаемое исследователями свойство идеостиля художника – «опредмечивать» метафоры. Как пишет А. В. Кеба, в платоновском универсуме «...сами метафоры как бы деметафоризируются, превращаются в картины, исключительно наглядные по своей конкретности и динамической насыщенности» [25, с. 41]. В отличие от условно-символических соцреалистических «лаптей» платоновские лапти в «Котловане» вполне конкретны. И в этом смысле «Котлован» – еще одно свидетельство того, как преследовались «лапти» на стройках социализма.

В производственной прозе «лапотный» и «сознательный» пролетарии выступают антиподами. Мужик чужд и непонятен новому человеку. Герой повести И. Эренбурга «Не переводя дыхания» Геня Синицын не знает, как поладить с «ребятами»: «С ними надо бы попроще... На вечерку, что ли, пойти? Выпить. Конечно, противно, но они это любят: значит, свой, не зазнается» [49, с. 272, 274]. В рассказе Н. Асанова «Восстание Олимпиады», хотя и не имеющем отношения к теме индустриализации, но показательном в данном контексте, герой-большевик недоумевает: «Сегодня мужики тихо шепчутся, но боятся сказать что-то важное. <...> Как их понять?» [2, с. 86]. Мастер Тих Тихч в рассказе В. Ильенкова «Аноха» чувствует, что «мир, заключенный в закопченную оболочку литейщика», остается для него неведомым и чужим [22, с. 127]. К народу, обряженному хоть в зипуны и лапти, хоть в рабочие спецовки, вершители революции в производственной прозе не многим ближе, чем тургеневский Базаров, хвалившийся своим умением говорить с мужиками и даже не подозревавший, что «он в их глазах был все-таки чем-то вроде шута горохового» [44, с. 353].

В свою очередь, крестьянство видит в кадровом пролетарии представителя привилегированной части общества – «рабочего с тросточкой», как в «Поднятой целине» М. Шолохова говорят мужики о путиловцах. Беззаботной и легкой кажется жизнь «рационализатора» Анохи лапотным пролетариям в одноименном рассказе В. Ильенкова. «Тебе-то что? – обрушился один из них на Аноху. – Отработал восемь

часов да и на боковую, а мне киселя хлебать пешком за семь верст, да с бороной до ночи тягаться, овес, чай, не сеян, а таких больше полуцеха наберется...» [22, с. 121].

В литературе социалистического реализма, таким образом, налицо столкновение двух принципов, утверждавшихся как нераздельные, – *партийности*, предполагавшей «защиту интересов пролетариата» [35], и *народности*, подразумевавшей «выражение в искусстве идеалов, интересов и психологии народных масс» [32]. Поначалу это противоречие маскировалось при помощи ленинской теории «двух культур»: партийность подразумевала спайку «не просто с народом, а с наиболее передовыми слоями его» [34, с. 399].

Позже, в 1930-е годы, большевистская пропаганда стала активно внушать массам чувство «революционной национальной гордости». В декабре 1931 года в беседе с немецким писателем Э. Людвигом Сталин сказал: «В Европе многие представляют себе людей в СССР по старинке, думая, что в России живут люди, во-первых, покорные, во-вторых, ленивые. Это устарелое и в корне неправильное представление. Оно создано в Европе с тех времен, когда стали наезжать в Париж русские помещики, транжирили там награбленные деньги и бездельничали. Это были действительно безвольные и никчемные люди. Отсюда делались выводы о “русской лени”. Но это ни в какой мере не может касаться русских рабочих и крестьян, которые добывали и добывают средства к жизни своим собственным трудом» [41, с. 526].

Литературная критика продолжала бороться с «необъективным» «наивным народолюбием, уходящим корнями в субъективно-народническую социологию» [1, с. 188], преследовать в литературе «сусальное лапотничество» [87, с. 22]. Но огульное осмеяние народа стало жестоко пресекаться. Для автора, не уловившего новой тональности в характеристике народного характера, последствия могли быть самыми плачевными (так, например, Д. Бедный, продолжавший и в 1930-е сатирически высмеивать народную «рабскую лень», за что не раз разгромно критиковался в специальных постановлениях ЦК ВКП (б), в сущности, лишился звания «народного поэта»). В общественном сознании стали формировать новый собирательный образ русского человека.

В числе графаретов, к которым, изображая народ, прибегали писатели раньше и от которых они должны были уйти теперь, назывались все те же борода и лапти. Еще в период подготовки Первого всесоюзного съезда, на первом пленуме оргкомитета Союза писателей (1932) М. Чумандрин говорил о том, что советская проза, особенно крестьянская, «засорена деревенщиной»: всюду – «соллома, грязь, ветлы, засиженные галками, навоз, лапти, лохань» [40, с. 90]. «Старая лексика наших произведений – это национальная уость, это прямое наследие прошлого, от которого мы обязаны уйти как можно быстрее и как можно дальше», – заключал М. Чумандрин [там же]. Два года спустя в докладе на Первом всесоюзном съезде А. Фадеев призывал писателей не ограничивать художественные поиски заезженной схемой «приделаем бедняку рыжую бороду» [37, с. 234]. Один за другим выступающие на съезде доказывали, что русский народ не таков, каким его изображали до революции и привыкли изображать после ее победы. Колхозница Смирнова, приветствовавшая участников съезда «от имени всего колхозного крестьянства», не могла простить П. Замойскому (советскому писателю!) того, что он назвал свой роман о крестьянстве (в это время как раз вышла из печати его последняя часть) именно «Лапти» [там же, с. 229].

Производственная проза середины 1930-х годов отражает веяния времени. В романе И. Эренбурга «День второй» (1932–34) герои не пасуют перед посетившими стройку иностранцами: «Мы не лаптем ши хлебаем» [50, с. 342]. У В. Катаева только самодовольный скептик и карьерист Налбандов соглашается с мистером Раем Рупом в том, что Советская Россия живет между двумя полюсами: «С одной стороны – Вавилон. С другой – ляпоть» (сохранена орфография автора. – *Е. М.*) [24, с. 377]. В романе Б. Ясенского «Человек меняет кожу» (1936) рабочие с недоумением смотрят на американца, рассказывающего о том, что у него на родине «до сих пор в юмористических журналах представляют русских <...> с кудлатой бородой и с ножом в руках» [51, с. 183].

Прошлое, пусть с оговорками и в цензурно-усеченном виде, обретает ценность, начинает восприниматься как история. Это уже не вековой груз, который нужно «сбросить с корабля современности», но сокровищница народной мудрости. А в советской литературе вновь появляется борода, теперь уже в соответствии с

национальной традицией – как знак зрелости и житейской опытности. В повести Н. Никитина «Поговорим о звездах» (1934) бородаты не только отсталые крестьяне – бороду носит и старый, всеми уважаемый рабочий Лозовецкий. К его мнению на стройке прислушиваются и рядовые пролетарии, и командиры производства. На ином совещании только Лозовецкий и может разрядить накалившуюся обстановку: «Умный и тактичный старик говорил, перетирая в пальцах длинную бороду. Людям было приятно, все успокаивались. Медленный тон его речи, обдуманность, уверенная тишина его слов проливали своеобразный бальзам» [33, с. 41].

Лапти по-прежнему символизировали прошлое, но уже не обличали крестьянство. «Страна была аграрная: душевые наделы, бурьянные межи, сохи, серпы, лапти, небо, ручейки, перелески», – описывает Ф. Гладков места, где предстояло подняться Днепрострою [9, с. 164]. В очерке Н. Шихеева «Имени Сталина» (1932) одна историческая веха – лапти, другая – процветающий автозавод («русская металлургия не смогла и думать о производстве высококачественных автомобильных сталей... В довоенной лапотной, сермяжной, нищей России автомобиль являлся предметом роскоши...») [цит. по: 19, с. 157]. От лаптей – к сапогам и калошам – так выглядит прогресс в производственных очерках А. Зорича и М. Чарного: старая Россия, «отсталая и полудикая», «ходила в лаптях и ездила в убогих телегах... теперь она впервые обувается в башмаки и калоши, выпуск которых уже в тридцать пятом году составит сто миллионов пар» [21, с. 151]. «Целые слои трудящихся... которые раньше пребывали в состоянии варварской забитости... теперь поднимаются с мощным требованием: даешь! <...> Они... требуют сапог – раньше ходили в лаптях и о сапогах мечтали только на праздниках...» [45, с. 178].

Однако, отказываясь от обличительного пафоса по отношению к крестьянству, уходя от демонстрации всегдашних улик народной отсталости – бород и лаптей, литературные чиновники и в 1930-е годы не могли согласиться с мыслью о существовании каких-то особых духовных основ русской народной культуры. И. Луппол в докладе на Первом всесоюзном съезде советских писателей настойчиво опровергал существование «некоего “национального духа”», некой двойственной «русской души», которая неизменно «раздваивается» и вместе «с развесистой

кнюквой» входит в «ассортимент российской экзотики» [37, с. 258–259]. Делегаты съезда единодушно отрицали «ложные» национальные особенности русского мужика, и прежде всего – «мистического порядка» [там же, с. 174].

ВЫВОДЫ

Литература социалистического реализма, призванная перевоспитывать массы, была зеркалом, отражающим действительность. Мужик – основная рабочая сила на производстве – выглядит в этом зеркале лапотным пролетарием. В романах В. Ильенкова, И. Эренбурга, Г. Алексева «лапотный» и «сознательный» пролетарии выступают антиподами: мужик чужд и непонятен новому человеку, а крестьянство видит в кадровом пролетарии представителя привилегированной части общества. В соцреализме, таким образом, изначально заложен конфликт двух его основополагающих принципов – партийности и народности.

Зипун, борода, лапти – вещные детали, обличавшие старую Россию в 1920-е годы, адаптированные к партийной политике в 1930-е, стали частью закрепившейся за крестьянином социальной маски, на долгие десятилетия, вплоть до расцвета «деревенской» прозы, укрывшей от читателя многомерный образ русского народа.

Список литературы

1. Алтаев, Б. И. Взбаламученная Русь / Б. И. Алтаев // Красная новь. – 1931. – Кн. 4. – С. 188.
2. Асанов, Н. Восстание Олимпиады / Н. Асанов // Красная новь. – 1931. – № 2. – С. 85–105.
3. Белая, Г. А. Дон Кихоты 20-х годов : «Перевал» и судьба его идей / Г. А. Белая. – М. : Советский писатель, 1989. – 400 с.
4. Белинский, В. Г. Избранные произведения / В. Г. Белинский. – Минск : Учпедгиз БССР, 1954. – 439 с.

5. Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства. 1931–1934 гг. / текст ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. – М., 1998. – 616 с.
6. Блюм, А. Общество и власть : 1930-е годы. Повествование в документах / А. Блюм / отв. ред. А. К. Соколов. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. – 352 с.
7. Воронский, А. К. Искусство видеть мир : портреты ; статьи / А. К. Воронский. – М. : Советский писатель, 1987. – 702 с.
8. Вьюгин, В. Ю. Повесть «Котлован» в контексте творчества Андрея Платонова / В. Ю. Вьюгин // Андрей Платонов. Котлован : текст. Материалы творческой истории. – СПб. : Наука, 2000. – С. 5–18.
9. Гладков, Ф. Моя работа над «Энергией» / Федор Гладков // Октябрь. – 1934. – № 5. – С. 162–167.
10. Гладков, Ф. Собрание сочинений : в 5 т. / Ф. Гладков. – М. : Худож. лит., 1983–1985. – Т. 2: Энергия : роман / Коммент. А. Макарова. – 1984. — 703 с.
11. Голубков, М. М. Утраченные альтернативы : формирование монистической концепции советской литературы. 20–30-е годы / М. М. Голубков. – М. : Наследие, 1992. – 202 с.
12. Горький, М. История фабрик и заводов / М. Горький // Литературная учеба. – 1931. – № 3. – С. 3–6.
13. Горький, М. Собр. соч. : в 30 т. / Максим Горький. – М., 1949–1955. – М., 1949–1955. – Т. 29 : Письма, телеграммы, надписи, 1907–1926. – 1955. – 670 с.
14. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. – М., 1995. – т. 1. – С. 115–116.
15. Дальний, Г. Срок / Г. Дальний // Октябрь. – 1932. – Кн. 8. – С. 58–91.
16. Депретто Ж.-П. Официальные концепции рабочего класса в СССР (1920–1930-е гг.) / Ж.-П. Депретто // Экономическая история. Обзорение / под ред. Л. И. Бородкина. – Вып. 7. – М., 2001. – С. 93–114.
17. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Художественные произведения : тома I–XVII / Ф. М. Достоевский ; [редколл. : В. Г. Базанов, В. В. Виноградов, Ф. Я. Прийма, Г. М. Фридлендер, М. Б. Храпченко]. – Л. : Наука, 1972–1990. –

- Т. 14 : Братья Карамазовы : книги I–X / [ред. тома Е. И. Кийко, Г. М. Фридендер]. – 1976. – 512 с.
18. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Публицистика, письма : тома XVIII–XXX / Ф. М. Достоевский ; [редколл. : В. Г. Базанов, В. В. Виноградов, Ф. Я. Прийма, Г. М. Фридендер, М. Б. Храпченко]. – Л. : Наука, 1972–1990. – Т. 27 : Дневник писателя 1881. Автобиографическое. Dubia / [ред. тома : Г. М. Фридендер]. – 1984. – 464 с.
19. Журавлев, С. В. Феномен «Истории фабрик и заводов» : горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов / С. В. Журавлев. – М. : ИРЛИ, 1997. – 213 с.
20. Зарубежная историография об индустриализации в СССР : реферат. сб. – М. : Ин-т науч. инф. по обществ. наукам АН СССР, 1976. – 193 с.
21. Зорич, А. Заметки о каучуке / А. Зорич // Красная новь. – 1933. – Кн. 11. – С. 151–188.
22. Ильенков, В. Аноха / В. Ильенков // На литературном посту : лит.-худож. сб. – М. : Моск. рабочий, 1930. – С. 103–142.
23. Ильенков, В. Ведущая ось / В. Ильенков // Октябрь. – 1931. – Кн. 9. – С. 3–44.
24. Катаев, В. Собр. соч. : в 5 т. / Валентин Катаев. – М. : Худож. лит, 1956–1957. – Т. 1 : Растратчики ; Время, вперед! ; Я, сын трудового народа. – 1956. – 640 с.
25. Кеба, А. В. Андрей Платонов и мировая литература XX века : типологические связи / А. В. Кеба. – Каменец-Подольский : Абетка-НОВА, 2001. – 320 с.
26. Леонов, Л. Собр. соч.: в 10-ти т. / Леонид Леонов. – М. : Худож. лит, 1969–1972. – Т. 4 : Соть (роман) ; Саранча (повесть) / Леонид Леонов. – 1970. – 451 с.
27. Леонов, Л. Собр. соч. : в 10-ти т. / Леонид Леонов. – М. : Худож. лит, 1969–1972. – Т. 5 : Скутаревский (роман). – 1970. – 319 с.
28. Лесков, Н. С. Собр. соч. : в 12 т. – М. : Правда, 1989. – Т. 2 / ред. П. Г. Горелов. – 1989. – 414 с.
29. Малыгина, Н. Поворот американского сюжета Андрея Платонова / Нина Малыгина // Октябрь. – 1999. – № 7. – С. 168–175.
30. Малышкин, А. Люди из захолустья / Александр Малышкин. – М. : Худож. лит., 1981. – 350 с.

31. Мессер, Р. Попутчики второго разряда / Р. Мессер // Звезда. – 1930. – № 4. – С. 203–211.
32. Народность // Большая советская энциклопедия. – М., 1975. – Т. 17. – С. 280–281.
33. Никитин, Н. Поговорим о звездах / Николай Никитин // Звезда. – 1934. – Кн. 7. – С. 3–56.
34. Овчаренко, А. И. Избр. произв. : в 2 т / А. И. Овчаренко. – М. : Худож. лит., 1986. – Т. 2 : Советская литература : исследования и статьи. – 1986. – 510 с.
35. Партийность // Большая советская энциклопедия. – М., 1975. – Т. 19. – С. 243–244.
36. Платонов, А. Котлован / А. П. Платонов // Платонов А. П. Государственный житель : проза, ранние сочинения, письма. – Минск : Маст. літ., 1990. – С.105–198.
37. Первый всесоюзный съезд советских писателей : стенографический отчет. – М., 1934. – 719 с.
38. Россоловская, В. Рассказы В. Ильенкова / В. Россоловская // Красная новь. – 1931. – Кн. 8. – С. 178–183.
39. Русская советская литературная критика (1917–1934) : хрестоматия : учеб. пособие для студ. филолог. фак. пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / сост. П. Ф. Юшин. – М. : Просвещение, 1981. – 447 с.
40. Советская литература на новом этапе : стенограмма Первого пленума оргкомитета Союза советских писателей (29 октября – 8 ноября 1932). – М., 1933. – 257 с.
41. Сталин, И. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом [13 дек. 1931 г.] / И. В. Сталин // Ленин и Сталин : сб. произв. к изуч. истории ВКП (б). – М., 1936. – С. 523–549.
42. Степун, Ф. А. Чаемая Россия / сост. и послесл. А. А. Ермичева / Ф. А. Степун. – СПб. : РХГИ, 1999. – 480 с.
43. Толстой, Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. / редкол. : М. Б. Храпченко и др. / Л. Н. Толстой. – М. : Худож. лит., 1978–1985. – Т. 3 : Повести и рассказы (1857–1863). – 1979. – 478 с.
44. Тургенев, И. С. Собр. соч. : в 12 т. / И. С. Тургенев. – М. : Гослитиздат, 1954. – Т. 3 : Накануне ; Отцы и дети / подготовка текста и примеч. А. И. Батюто. – 1954. – 414 с.

45. Чарный, М. «Романтики» и революция / М. Чарный // Октябрь. – 1932. – Кн. 7. – С. 165–185.
46. Шагинян, М. С. Собр. соч. : в 9 т. / Шагинян М. С. – М. : Худож. лит., 1986–1989. – Т. 3 : Повести, рассказы, очерки, литературно-критические статьи, рецензии / сост. С. И. Шешуков. – 1987. – 375 с.
47. Шагинян, М. С. Собр. соч. : в 9 т. / Шагинян М. С. – М. : Худож. лит., 1986–1989. – Т. 9 : Статьи о литературе и искусстве ; Путешествие по Советской Армении / коммент Л. Скорино. – 1989. – 765 с.
48. Шведов, Я. Поиски Отечества / Я. Шведов // Октябрь. – 1932. – Кн. 7. – С. 22–55.
49. Эренбург, И. Г. Сочинения : в 5 т. / Илья Эренбург. – М. : Гослитиздат, 1952–1954. – Т. 4 : Повести, рассказы, стихотворения [Примеч. Б. Емельянова]. – 1953. – 652 с./
50. Эренбург, И. Сочинения : в 9 т. / Илья Эренбург. – М. : Гослитиздат, 1962–1967. – Т. 3 : Заговор равных ; День второй ; Стихотворения. – 1964 – 514 с.
51. Ясенский, Б. Человек меняет кожу / Бруно Ясенский. Ъ М. : Сов. писатель, 1956. – 584 с.

References

1. Altaev B. I. *The Stired Russia*. Krasnaya Nov' Publ., 1931, no. 4, p. 188 (in Russ.).
2. Asanov N. *Olimpiada's Uprising*. Krasnaya Nov' Publ., 1931, no. 2, pp. 85–105 (in Russ.).
3. Belaya G. A. *Don Kihoty 20-kh Godov: «Pereval» i Sud'ba Yego Idei* [Don Quixotes of 1920ies: *Pereval* and the Fate of His Ideas]. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1989. 400 p.
4. Belinskiy V. G. *Izbrannye Proizvedeniya* [Selected Essays]. Minsk: Uchpedgiz BSSR Publ., 1954. 439 p.
5. *Belomorsko-Baltiiskiy Kanal Imeni Stalina. Istoriya stroitel'stva. 1931–1934 gg.* [White Sea Baltic Canal named after Stalin. The History of the Construction. 1931–1934-ies]. Moscow, 1998. 616 p.

6. Blum A. *Obschestvo i Vlast': 1930-e Gody. Povestvovanie v Dokumentakh* [Society and Government: the 1930-ies. The Narrative in Documents]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998. 352 p.
7. Voronskiy A. K. *Iskusstvo Videt' Mir* [The Art of Seeing the World]. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1987. 702 p.
8. V'ugin V. Yu. *The Foundation Pit* in the Context of Andrei Platonov's Creative Heritage. Andrei Platonov. Kotlovan: text. Materialy tvorcheskoy istorii. St. Petersburg, Nauka Publ., pp. 5–18.
9. Gladkov F. My Creation of *The Energy*. Oktyabr' Publ., 1934, no. 5, pp. 162–167 (in Russ.).
10. Gladkov F. *Energiya* [The Energy]. *Sobranie Sochinenii* [Collected Works]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1984, vol. 2, 703 p.
11. Golubkov M. M. *Utrachennyye Alternativy: Formirovaniye Monisticheskoy Konceptsiyi Sovetskoy Literatury. 20–30-e Gody* [Lost Alternatives: The Formation of Monistic Concept of Soviet Literature. 1920ies – 1930-ies]. Moscow, Naslediye Publ., 1992. 202 p.
12. Gor'kiy M. *The History of Factories and Plants*. Literaturnaya ucheba Publ., 1931, no. 3, pp. 3–6 (in Russ).
13. Gor'kiy M. *Sobranie Sochinenii* [Collected Works]. Moscow, 1955, vol. 29, 670 p.
14. Dal' V. *Tolkovyyi Slovar' Zhivogo Velikorusskogo Yazyka* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian language]. Moscow, 1995, vol. 1, pp. 115–116.
15. Dal'nii G. *The Time Frame*. Oktyabr' Publ., 1932, no. 8, pp. 58–91 (in Russ).
16. Depretto Zh.-P. *The Official Concept Of The Working Class in the USSR (1920–1930-ies)*. *Ekonomicheskaya Istoriya. Obozrenie* [Economic History. Review], 2001, issue 7, pp. 93–114.
17. Dostoevskii F. M. *Brat'ya Karamazovi* [The Brothers Karamazov]: knigi I–X [Books I–X]. *Polnoye Sobranie Sochinenii* [Full Collected Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, vol. 14, 512 p.

18. Dostoevskii F. M. *Dnevnik Pisatelya 1881. Avtobiograficheskoe. Dubia* [A Writer's Dairy. Autobiographical. Dubia]. *Polnoye Sobranie Sochinenii* [Full Collected Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, vol. 27, 464 p.
19. Zhuravlev S. V. *Fenomen «Istorii Fabrik i Zavodov»: Gor'kovskoe Nachinanie v Kontekste Epokhi 1930-H Godov* [The Phenomenon Of *The History of Factories and Plants*. Gorky Initiative in the Context of the Epoch of the 1930-ies]. Moscow, Institute of Russian Literature Publ., 1997. 213 p.
20. *Zarubezhnaya Istorografiya ob Industrializatsii v SSSR : Referat. sb.* [Foreign Historiography about Industrialization in the USSR. Abstract Collection]. Moscow, Institute of Society Sciences' Scientific Information of USSR Academy of Sciences, 1976. 193 p.
21. Zorich A. *Notes about Caoutchouc*. Krasnaya Nov' Publ., 1933, no. 11, pp. 151–188 (in Russ).
22. Il'enkov V. *Anoha. Na Literaturnom Postu* [On the Literary Post], 1930, pp. 103–142.
23. Il'enkov V. *The Main Shaft*. Oktyabr Publ., 1931, no. 9, pp. 3–44 (in Russ.).
24. Kataev V. *Vremya, Vpered!* [Time, Forward!]. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1956, vol. 1, pp. 197–522 .
25. Keba A. V. *Andrei Platonov i Mirovaya Literatura 20 Veka: Tipologicheskie Svyazi* [Andrei Platonov and 20th-century World Literature, Typological Relations]. Kamenets-Podol'skii: Abetka-NOVA Publ., 2001. 320 p.
26. Leonov L. *Sot'* [Soviet River]. *Sobranie Sochinenii* [Collected Works]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1970, vol. 4, pp. 7–296.
27. Leonov L. *Skutarevskii* [Skutarevsky]. *Sobranie Sochinenii* [Collected Works]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ., 1970, vol. 5, 319 p.
28. Leskov N. S. *Sobranie Sochinenii* [Collected Works]. Moscow, Pravda Publ., 1989, vol. 2, 414 p.
29. Maligina N. *The Turning of Andrei Platonov's American Theme*. Oktyabr' Publ., 1999, no. 7, pp. 168–175 (in Russ.).
30. Malishkin A. *Ludi iz Zakholust'ya* [The People from Outback]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1981. 350 p.

31. Messer R. *The Second-row Poputchiks*. Zvezda Publ., 1930, no. 4, pp. 203–211 (in Russ.).
32. *Narodnost'* [Narodnost]. *Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia], 1975, vol. 17, pp. 280–281.
33. Nikitin N. *Let's Talk about the Stars*. Zvezda Publ., 1934, no. 7, pp. 3–56 (in Russ.).
34. Ovcharenko A. I. *Sovetskaya Literatura: Issledovaniya i Stat'i* [Soviet literature: researches and articles]. *Izbrannye Proizvedeniya* [Selected Essays]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986, vol. 2, 510 p.
35. *Partiinost'* [Partiinost]. *Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia], 1975, vol. 19, pp. 243–244.
36. Platonov A. *Kotlovan* [The Foundation Pit]. *Gosudarstvennyi Zhitel': Proza, rannie sochineniya, pis'ma* [The State Inhabitant: prose, early works, letters]. Minsk, 1990, pp.105–198.
37. *Pervii Vsesoyuznii Syezd Sovetskikh Pisatelei, 1934: Stenograficheskii Otchet* [First all-Union congress of Soviet writers. 1934 : Verbatim Report]. Moscow, 1934. 719 p.
38. Rossolovskaya V. V. *Il'enkov's Stories*. Krasnaya nov' Publ., 1931, no. 8, pp. 178–183 (in Russ.).
39. *Russkaya Sovetskaya Literaturnaya Kritika (1917–1934): Khrestomatiya* [Russian Soviet Literary Critics]. Moscow, Prosveschenie Publ., 1981. 447 p.
40. *Sovetskaya Literatura na Novom Etape: Stenogramma Pervogo Plenuma Orgkomiteta Souza Sovetskikh Pisatelei (29 Oktyabrya – 8 Noyabrya 1932)* [Soviet Literature at New Stage: the First Plenum of Organizing Committee of Soviet Writers' Union]. Moscow, 1933. 257 p.
41. Stalin I. *Beseda s Nemetskim Pisatelem Dzhemilem Lyudvigom (13 dek. 1931 g.)* [Talk with German Author Emil Ludwig (December 13, 1931)]. *Lenin i Stalin* [Lenin and Stalin]. Moscow, 1936, pp. 523–549.
42. Stepun F. A. *Chaemaya Rossiya* [The Desired Russia]. St. Petersburg, 1999. 480 p.
43. Tolstoi L. N. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1979, vol. 3, 478 p.

44. Turgenev I. S. *Otsi i deti* [Fathers and Sons]. *Sobranie sochinenii* [Collected Works] Moscow: Goslitizdat Publ., 1954, vol. 3, 414 p.
45. Charnyi M. *Romanticists and Revolution*. Oktyabr' Publ., 1932, no. 7, pp. 165–185 (in Russ.).
46. Shaginyan M. S. *Sobranie Sochinenii* [Collected Works]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1987, vol. 3, 375 p.
47. Shaginyan M. S. *Sobranie Sochinenii* [Collected Works]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989, vol. 9, 765 p.
48. Shvedov Ya. *The Searching of Fatherland*. Oktyabr' Publ., 1932, no. 7, pp. 22–55 (in Russ.).
49. Erenburg I. G. *Sochineniya* [The Essays]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1953, vol. 4, 652 p.
50. Erenburg I. *Den' Vtoroi* [The Second Day]. *Sochineniya* [The Essays]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1964, vol. 3, pp. 151–360.
51. Yasenskii B. *Chelovek menyaet kozhu* [Man Changes His Skin]. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1956. 584 p.

SOCIAL MASK OF PEASANTRY IN PRODUCTION PROSE OF THE 1920-1930-IES

Mashkova Ye. Ye.

Summary. In the given article the collective image of the peasantry at the five-year plans' constructions is analyzed in the texts representative social realism of 1920-1930-ies production prose by F. Gladkov, G. Dalnij, A. Zorich, V. Iljenkov, V. Katayev, L. Leonov, A. Malyshkin, N. Nikitin, M. Shaginjan, Ja. Shvedov, I. Erenburg. It has been demonstrated that in the Socialism literature the image of Russian muzhik is reduced to social mask (bast shoes, zipun, beard) that was symbolizing any substandard work. The opposition of class-conscious and bast shoes' proletarians that reveals itself in Soviet literature is discovered. This opposition is estimated as an expression of conflict of party spirit and ethnicity. Author's interpretations of people image are investigated diachronically (1920-ies and 1930-ies) in context of Communist Party directives and criticism of the first post-revolutionary decades.

Keywords: peasantry, the image of Russian muzhik, Socialistic realism, Soviet literature, narodnost, production prose.